

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.1:340.158

doi: 10.26907/2541-7738.2022.4.134-154

КОНСТРУИРОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ КАК НАПРАВЛЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

А.В. Скоробогатов¹, Н.Н. Рыбушкин²

¹*Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП),
г. Казань, 420111, Россия*

²*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрены особенности формирования и развития советской уголовно-правовой политики в конце 1917-го – 1919 г. На основе анализа нормативных правовых актов и доктринальных сочинений советских руководителей проанализирован процесс конструирования уголовно-правовых запретов, который рассматривается как специфичное направление уголовно-правовой политики. Целью подобного конструирования являлось создание нового советского уголовного права, позволяющего обеспечить не только поддержание правопорядка и режима законности, но и безопасность Советского государства. Несмотря на попытки систематизации уголовно-правового законодательства, развитие уголовного права осуществлялось преимущественно индуктивным путем. Основное внимание в изучаемый период было уделено конструированию отдельных составов преступлений, что позволило обеспечить правоприменителя. Особенной частью уголовного права, а также подготовить материал для обобщения и создания Общей части.

Ключевые слова: уголовно-правовой запрет, уголовно-правовая политика, уголовное право, социальное конструирование, правовое регулирование, гражданская война, военный коммунизм, Советское уголовное уложение

Введение

Уголовно-правовая политика является относительно самостоятельным элементом социального регулирования, цели, содержание и формы которого исторически обусловлены определенным социокультурным хронотопом. Однако средства, которые при этом используются, носят субъективный характер и выступают в качестве конвенционального результата социального конструирования правовой реальности. Наибольшей актуализации уголовно-правовая политика достигает в условиях социальных трансформаций, поскольку активно используется новой властью для обеспечения своей легальности и легитимности. Одним из показательных периодов активного использования уголовно-правовой политики с подобной целью являются первые годы советской власти, которые в отечественной историографии получили название «период военного коммунизма». Данное название отражает сущность проводимой большевиками политики, направленной

на создание принципиально нового общественного устройства, основанного на марксистско-ленинской доктрине построения бесклассового коммунистического общества.

Формирование уголовно-правовой политики началось существенно раньше, практически с момента установления советской власти. Это связано с тем, что новая власть рассматривала уголовное право как важнейшее средство утверждения не только нового порядка, но и новых принципов общественных отношений. Этот факт обусловил как преимущественную ориентацию уголовного права на охранительную функцию, так и особое внимание к созданию новой системы уголовно-правовых запретов, конструирование которых стало важнейшим направлением уголовно-правовой политики.

Изучение правовых запретов имеет в отечественной юриспруденции устойчивую традицию, формирование которой началось еще в 70-х годах XX в. и было обусловлено расширением исследовательского поля в связи с переходом от узко-нормативного правопонимания к широкому и актуализацией проблемы правоотношений в развитом социалистическом обществе. Среди большого числа работ, посвященных данной проблематике, можно выделить труды С.С. Алексеева [1], Н.Г. Братко [2], В.Н. Кудрявцева [3] и Н.Н. Рыбушкина [4], которые определили основное направление исследования правового запрета не только как юридического, но и как социального явления. Подобная методологическая установка была воспринята современной юридической наукой, хотя и в более широком мировоззренческом аспекте, с учетом различных социальных контекстов и культурных трансформаций. Это не только позволило изучить правовые запреты инструментально, через призму отраслевых наук (см., например, [5–9]), но и исследовать их значение для развития правовой реальности в теоретико-правовом (см., например, [10, 11]) и философско-правовом контексте (см., например, [12, 13]).

Несмотря на значимость запретов в правовом регулировании и социальном воздействии, в зарубежной юридической науке эта проблематика не получила достаточного освещения. Как правило, рассматриваются лишь отдельные законодательные запреты определенных явлений [14]. Наиболее активно запреты исследуются в юридической науке США. Изучение правового запрета в американской юридической историографии определяется прежде всего тем, что данное понятие рассматривается в контексте антиалкогольной кампании 20–30-х годов XX в. [15]. Лишь в последние годы в рамках формирования нового научного направления – культурной криминологии – появились попытки исследовать правовой запрет, в том числе и уголовно-правовой, в широком социокультурном контексте [16].

Генезис и эволюция уголовно-правовых запретов, как правило, затрагиваются лишь в обобщающих трудах по истории уголовного права [17]. Только в последние годы обозначенная проблематика стала самостоятельным предметом научных исследований, направленных на изучение роли уголовно-правовых запретов в правовом воздействии на различных этапах развития отечественного государства и права (см., например, [18, 19]).

Хотя становление советского уголовного права неоднократно являлось предметом исследования, начиная с классической «Истории советского уголовного права» под редакцией А.А. Герцензона [20], эта проблематика преимущественно изучалась в контексте анализа содержания и значения Руководящих начал по

уголовному праву РСФСР 1919 г. [21, с. 72–76; 22; 23]. Особенно актуализировалась эта проблематика в связи со столетним юбилеем упомянутого документа (см. [24–27]). Обращение же к развитию уголовного права в 1917–1919 гг. носит фрагментарный характер (см. [28, 29]), несмотря на то что именно в эти годы происходило доктринальное и нормативное становление советского права и уголовного права как его важнейшей части.

Методологически исследование построено на основе сформулированной П. Бергером и Т. Лукманом конструктивистской парадигмы, интерпретирующей социальную реальность как формируемый в процессе социального взаимодействия конструкт [30]. Адаптация этой идеи к исследованию уголовно-правовых явлений осуществлена в теории конструирования девиантности Я.И. Гилянского, в соответствии с которой понятие и содержание деяний, признаваемых преступными в определенном обществе, обусловлены социокультурными факторами и носят конструируемый характер [31, с. 133–146].

Особенности формирования системы уголовно-правовых запретов на заре становления советского права

Запрет, будучи средством правового регулирования, традиционно занимает ведущее место в конструировании правовой реальности России, соответствуя разрешительному типу правового регулирования, господствующему в нашей стране с периода Древнерусского государства. Исходя из специфики российского правосознания и особенностей развития отечественной уголовно-правовой науки переходного периода, запрет мы рассматриваем как систему установленных (санкционированных) и обеспеченных государством общеобязательных правил и связанных с ними общих повелений, призванных в своем единстве вытеснить вредные общественные отношения (существующие и предполагаемые) сообразно с материально обусловленной волей и социальными целями пролетариата [32].

Несмотря на провозглашение советской властью полного разрыва с предыдущей правовой традицией, отказа от разрешительного типа правового регулирования не произошло не только из-за его архетипического характера, но и вследствие его «удобства» для утверждения новой идеологии и новой системы общественных отношений [33].

Приход к власти большевиков в 1917 г. предполагал полную трансформацию политической и правовой системы. Провозглашенный ими курс на построение коммунистического общества подразумевал полный разрыв с предшествующей традицией и формирование совершенно новой системы, основанной на иной мировоззренческой парадигме [34, с. 1–59]. Указывая на «ущербность и обреченность» буржуазного права, А.Г. Гойхбарг писал: «Окончательный, смертельный удар наносит ему власть нового класса – пролетариата. Во время пролетарской революции это право находится в агонии и заменяется социальным правом переходного периода...» [35, с. 17]. Если применительно к политической сфере эта трансформация оказалась достаточно успешной, хотя и встретила активное сопротивление, то трансформация правовой реальности была существенно сложнее: «Несмотря на наличие в составе советского руководства профессиональных юристов, у них отсутствовало единое представление как о развитии

системы права» в целом, так и об особенностях функционирования отдельных отраслей права, включая и уголовное право [36, с. 22].

Базисом правовой трансформации стали идеи В.И. Ленина. Хотя ни в одной из своих работ он не изложил системного плана преобразования правовой системы, в ряде его статей послереволюционного периода были высказаны идеи, которые ярко характеризуют его отношение к системе права в целом [37] и уголовному праву в частности [38, р. 99–135]. Отсутствие в его идеях единого представления о развитии права, сочетание позитивистских и анархистских элементов проявилось и в общем направлении большевистской правовой политики. Обосновывая необходимость нового права и следуя за К. Марксом и В.И. Лениным, А.В. Луначарский в статье «Революция и суд» писал о том, что формирование пролетарского права станет возможным только после того, как угнетенный класс (пролетариат) захватит власть и обретет материальную возможность трансформировать свое правосознание в правовую (вербальную) форму [39, с. 15].

Противоречивость большевистской доктрины обусловила бинарность правового развития [40]. С одной стороны, формирование советского права начинается с издания на Втором Всероссийском съезде Советов первых декретов. С другой стороны, отсутствие в программе большевиков правовой составляющей вынуждало использовать старую юридическую терминологию и применять в судебной практике законы свергнутых правительств (п. 5 ДС1). Одновременно шла активная дискуссия об источниках права: нормативные правовые акты или же правосознание должны лежать в основе советского права?

Уголовно-правовая политика стала важнейшим элементом формирования нового дискурса права. Следствием этого явилось конструирование новой цели уголовной политики, опосредованной марксистско-ленинской доктриной отмирания права в коммунистическом обществе [41], – «посредством репрессии охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата» (ст. 3 РНУ).

По мнению современных исследователей, советское законодательство этого периода сочетает преемственность (верность традиции) и революционность (разрыв с традицией) [42]. Революционность в данном случае может рассматриваться как своеобразная интерпретация правовых заимствований в форме аккумулярации [43] (см. также [32]).

Методологической основой правовых преобразований выступила марксистская теория, в целом чуждая российской правовой культуре, что обусловило необходимость применения насилия при ее реализации в жизнь. Следствием этого явилось усиление репрессивного аппарата и расширение роли уголовного права в правовом регулировании. Если в целом политика военного коммунизма была направлена на сокращение роли позитивного права в регулировании общественных отношений [44], что выразилось в переходе к социальному праву в частноправовых отношениях, то применительно к уголовному праву наблюдается прямо противоположная тенденция. Происходит конструирование положений не только Общей части уголовного права, но и Особенной. Хотя это осуществлялось не всегда последовательно и системно, в целом шел процесс создания отрасли права, основанной на иных ценностях, чем уголовное право в буржуазном обществе [45].

Вслед за В.И. Лениным руководство советских государственных органов, призванных в том числе осуществить конструирование нового права, прежде всего Наркомата юстиции, придерживалось позиции о необходимости ликвидации «буржуазного права» [46, с. 227]. При этом речь шла не просто о замене прежнего права новой системой советского права. Сначала нужно было решить философский вопрос о соотношении социалистической революции и права. От этого зависело построение новой правовой доктрины, которая должна была определить дальнейшее направление социального развития, в том числе роль закона в социальном воздействии (см. [36]).

Дискуссия по упомянутому вопросу, развернувшаяся в 1917–1919 гг., имела не только мировоззренческое, но и практическое значение. Трансформация механизма правового регулирования, вызванная ликвидацией дореволюционного государственного механизма и законодательным уничтожением ряда общественных отношений, привела к исчезновению значительной части норм публичного и частного права. Однако происходило не просто отмирание отдельных юридических норм. Происходила ликвидация целых институтов и отраслей «буржуазного права». П.И. Стучка об этом писал: «Для меня с первого дня революции не было сомнений в том, что только на развалинах этого храма буржуазной справедливости нам удастся возвести здание социалистической справедливости, более скромное по своему внешнему виду, но бесконечно более прочное по своему содержанию» [47, с. 229]. Следствием такой политики стало массовое распространение правового нигилизма и утверждение неправовых средств разрешения конфликтов [48].

Рост правового нигилизма, несмотря на негативное отношение большевиков к закону, потребовал формирования нового правопорядка [49, с. 128], в основе которого должны были лежать нормативные установления, основанные на новых принципах не только с материальной, но и с процессуальной стороны [50, с. 32]. Уже первые советские декреты означали переход к новой правовой системе, в которой нормативное регулирование являлось дополнением революционного правосознания. В еще большей степени эта тенденция проявилась в правоприменении.

Ведущую роль в реализации этой тенденции сыграл Декрет № 1 о суде, который впервые объявил революционное правосознание источником права. Советским судам следовало руководствоваться «в своих решениях и приговорах не писаными законами свергнутых правительств, а декретами Совета Народных Комиссаров, революционной совестью и революционным правосознанием» [51]. Однако при этом допускалось применение судами и «старого законодательства», если оно не противоречило «революционной совести и революционному правосознанию» (ст. 5 ДС1). Как писал П.И. Стучка о подобной двойственности Декрета № 1 о суде, «наш декрет о суде сделал все возможные, с нашей точки зрения, уступки; он не отрицает целиком писаного закона, но отводит ему подобающее в переходную эпоху место. Он признает писанный закон свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковой не отменен революционными декретами или революционным правосознанием народа. Действительно, формулировка эта страдает некоторой шаткостью, но она откровенна и нелицемерна. Она призывает народ решать вопросы о том, что еще остается в силе от прежних

16 томов свода законов и что из них уже окончательно отменено революцией» [52, с. 57].

Применительно к уголовному праву эти идеи получили развитие в декрете «О революционном трибунале печати» (ДТП) и изданной Наркоматом юстиции инструкции «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» (ИРТ), в которых закреплялось право трибуналов определять меру наказания, руководствуясь не только обстоятельствами дела, но и «революционной совестью» (ст. 2 ИРТ).

Использование в судебной деятельности «законов свергнутых правительств» было воспроизведено и в Декрете № 2 о суде (ДС2). Однако главным при этом признавалось не применение дореволюционного законодательства к регулированию общественных отношений, а его непротиворечивость революционному правосознанию. «Именно последнее в период военного коммунизма становится основным источником права», определяющим меру уголовного воздействия на человека [32, с. 169] (см. также [53]). Однако упомянутый факт рассматривался лишь как временная мера, необходимая до создания советского уголовного законодательства. Уже в Декрете № 3 о суде (ДС3) установлен запрет на применение старых законов в правоприменении, что свидетельствует не только о завершении формального разрыва с дореволюционным правом, но и об усилении в новом пролетарском праве нормативного начала.

Чрезмерное увлечение изданием декретов, которые становятся основным источником права, в условиях неопределенности законодательных полномочий в сочетании с децентрализацией правовой системы в первый год советской власти свидетельствуют о том, что советское руководство искало пути конструирования новой правовой системы [54, р. 61–98]. Уголовное право при этом рассматривалось не только как одна из отраслей права, но и как важнейшее средство обеспечения и поддержания правопорядка, основанного на новых принципах. Несмотря на провозглашенный большевиками отказ от буржуазного права, такой подход к уголовному праву свидетельствует о воспроизводстве немецкой пандектной доктрины [55, р. 7–9], которая была использована и при кодификации права в дореволюционной России [56].

Такой подход обусловил преобладание в декретном правотворчестве уголовно-правовых запретов, которые условно можно разделить на две части: (1) декреты, направленные на конструирование правовых оснований борьбы с наиболее опасными посягательствами на Советское государство; (2) декреты, связанные с проведением мероприятий по социалистическому преобразованию России, включающие пути их осуществления и ответственность за их нарушение [57, с. 37]. В целом это свидетельствует о расширении криминализации правовой реальности [58].

Сразу же после установления советской власти приступили к разработке новой уголовно-правовой доктрины и созданию кодифицированного акта в сфере уголовного права. Это задание было дано Отделу законодательных предположений и кодификации НКЮ РСФСР, который уже к апрелю 1918 г. подготовил первый вариант Советского уголовного уложения (НУУ). Работа была проделана в очень ограниченные сроки и по этой причине опиралась не столько на правовую доктрину, сколько на опыт уголовно-правового регулирования дореволюционного периода, прежде всего на текст Уголовного уложения 1903 г. Являясь

развитием идей Декрета № 1 о суде, Советское уголовное уложение представляло собой компиляцию Уголовного уложения 1903 г.: из 380 статей советского проекта со статьями документа 1903 г. совпадают редакции 187, выбраны были лишь те статьи, которые, по мнению авторов, соответствовали «революционной совести и революционному правосознанию» (СУУ) и фактически ориентировали судей на применение принципа законности. Однако это полностью противоречило правовой доктрине и духу первых советских декретов. Результат данной работы был признан неудовлетворительным, поскольку не отвечал потребностям времени [59, с. 243], вследствие чего Советское уголовное уложение не применялось на практике [20, с. 54]. Д.И. Курский дал следующую образную оценку этого кодекса: по его мнению, это была попытка «сочетать противоестественным браком пролетарскую демократию с буржуазной демократией» [60, с. 57–58].

Советское уголовное уложение представляет ценность лишь в контексте конструирования уголовно-правовых запретов как отражение противостояния в НКЮ РСФСР сторонников классической и социологической школ уголовного права. Несмотря на провозглашенную в пояснительной записке А.А. Шрейдера коренную ломку понятия преступления [61], в тексте Уложения преступлением признавалось деяние, воспрещенное во время его учинения законом под страхом наказания (ст. 1 СУУ), то есть понятие преступления включало лишь признаки объективной стороны – противоправность и наказуемость. Данное определение соответствовало идеям классической школы уголовного права [62, р. 4–5] и воспроизводило положения Уголовного уложения 1903 г.

Источниковая база определила и особенности формирования классификации преступлений, и характеристику отдельных составов преступлений. Традиционно для российского уголовного права Советское уголовное уложение выделяет следующие группы преступных деяний: 1) преступления против государства и государственного управления (ст. 56–104 СУУ); 2) преступления против общественного порядка и спокойствия (ст. 105–175 СУУ); 3) преступления против личности (ст. 176–232 СУУ); 4) преступления против имущественных прав (ст. 233–287 СУУ); 5) преступления против народного хозяйства (ст. 288–349 СУУ); 6) преступления по должности (ст. 350–378 СУУ).

Данная классификация свидетельствует о том, что первоначально в правовой доктрине советской власти не было единого мнения о сущности уголовно-правовых запретов и их роли в обеспечении общественного порядка. Даже в НКЮ РСФСР шла борьба между сторонниками классической и социологической школ уголовного права [63, с. 116]. Неудача первой советской кодификации уголовного права была вызвана не только отсутствием советской уголовно-правовой доктрины, но и политическими обстоятельствами, прежде всего связанными с преодолением левоэсеровского влияния в руководстве НКЮ РСФСР.

Наибольшей опасностью для советской власти являлись так называемые контрреволюционные преступления. Одним из первых уголовно-правовых актов, направленных на противодействие контрреволюционным деяниям и содержащих перечень таких деяний, была инструкция НКЮ «О революционном трибунале» от 19 декабря 1917 г. В ней были указаны следующие виды контрреволюционных преступлений: контрреволюционные восстания, противодействие или сопротивление рабоче-крестьянскому правительству, советам, призыв к противодействию

советской власти (ст. 4 ИРТ). В дальнейшем толкование состава контрреволюционного преступления неоднократно расширялось [64]. Рассмотрение данных деяний возлагалось на трибуналы, которые в отличие от народных судов как органов правосудия представляли собой институт обеспечения политической безопасности [65, с. 42]. Законодательство четко разграничивало понятия уголовных и контрреволюционных деяний (ЦКО). Первые подлежали рассмотрению в народных судах, вторые – в трибуналах.

Анализ советского законодательства 1917–1919 гг. позволяет сделать вывод о том, что общим направлением уголовно-правовой политики данного периода было развитие Особенной части. Это выразилось в расширении перечня составов преступлений, прежде всего связанных с покушением на основы советского общественного и государственного строя и признанных контрреволюционными. Конструирование уголовно-правовых запретов, связанных с контрреволюционными составами преступлений, носило ситуативный характер и было обусловлено необходимостью обеспечить поддержание созданного большевиками правопорядка.

Среди контрреволюционных преступлений в первую очередь был сконструирован состав «мятеж и восстание». Впервые этот состав был рассмотрен в принятой 19 декабря 1917 г. инструкции НКЮ «О революционном трибунале»: «лицам, которые организуют восстание против власти Рабоче-крестьянского правительства, активно ему противодействуют, не подчиняются или призывают другие лица к противодействию или неповиновению» может назначаться наказание в виде штрафа, лишения свободы, высылки, общественного осуждения, объявления врагом народа, лишения политических прав, секвестра и конфискации имущества, обязательных общественных работ (п. «а» ст. 4 ИРТ). Конструирование этого состава преступления практически одновременно с созданием ВЧК преследовало цель формирования нормативного запрета деяний, направленных против советской власти, которые были с большим трудом подавлены в конце октября – начале декабря 1917 г. [66].

Согласно Постановлению ВЦИК от 5 января 1918 г. (ППКД), к контрреволюционным преступлениям были отнесены попытки присвоения функций государственной власти. Конструирование этого состава было обусловлено необходимостью признания незаконной деятельностью Учредительного собрания, которое было создано в этот день и не признало проведенные большевиками преобразования [67]. Однако речь шла не только о признании нелегальности конкретного государственного органа, но и о создании нормативного запрета на формирование подобных институтов в будущем. Юридически это означало, что любые действия, связанные с созданием впоследствии институтов, которые объявлялись государственными органами, автоматически становились незаконными. Таким образом были предусмотрены правовые основания для борьбы с белым движением.

Однако противодействие советской власти осуществлялось не только организованными военными выступлениями и созданием альтернативных государственных органов. Реализация земельной политики повлекла за собой крестьянские восстания [68, с. 73–111], которые были квалифицированы как «политический бандитизм». Впервые термин «бандитизм» упоминается в декрете

СНК РСФСР от 13 июля 1918 г. № 3 «О суде» при определении подсудности местных и окружных народных судов (ст. 1 ДСЗ).

Обострение борьбы с врагами советской власти в ходе Гражданской войны обусловило издание 5 сентября 1918 г. Совнаркомом постановления «О красном терроре», которое стало своеобразным итогом конструирования уголовно-правовых запретов, связанных с контрреволюционными преступлениями. В нем отмечалось, что «необходимо обеспечить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях» и «подлежат расстрелу все лица, которые имеют отношение к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам» (ПКР).

Однако издание данного постановления не означало, что конструирование отдельных уголовно-правовых запретов, связанных с контрреволюционными преступлениями, прекратилось. Ситуативный характер уголовно-правовой политики первых лет советской власти обусловил временное усиление внимания к борьбе с деяниями в контексте социокультурного развития России. Так, начиная с осени 1918 г. в ответ на проводимую новой властью экономическую политику актуализируется явление саботажа, что потребовало конструирования соответствующего состава преступления. Квалифицирующие признаки саботажа были сформулированы 6 октября 1918 г. в циркуляре Кассационного отдела ВЦИК (ЦКО), согласно которому саботаж был приравнен к контрреволюционным преступлениям. К саботажникам были отнесены лица, которые: «активно противодействуют рабоче-крестьянскому правительству или призывают других противодействовать ему путем невыполнения декретов и других постановлений советской власти, местной или центральной; явно игнорируют такие постановления и усложняют нормальную работу правительственных или общественных учреждений или призывают к саботажу, или организуют его» (ЦКО). Уголовная ответственность предусматривалась как за сам саботаж, так и за покушение на него и приготовление к нему.

Своеобразным результатом работы по конструированию уголовно-правовых запретов можно считать изданное 20 ноября 1919 г. Положение о революционных военных трибуналах. В нем была предпринята попытка систематизировать должностные преступления, к числу которых были отнесены следующие деяния: саботаж; превышение власти, бездеятельность, если это причинило существенный вред республике или революционному делу, или причинило значительные убытки казне, или могло причинить такие последствиями, и они не наступили лишь случайно или через принятые другими лицами меры предосторожности; присвоение, растрата или уничтожение вверенного по службе имущества; служебная подделка; взяточничество (п. «В» ст. 4 ПТ).

Большое внимание в советском уголовном праве уделялось борьбе с преступлениями, посягавшими на порядок осуществления военной службы. Законодательно было определено 8 составов преступлений, отнесенных к этой группе. В Положении о революционных военных трибуналах от 20 ноября 1919 г. было подробно рассмотрено уклонение от военной службы, которое заключалось в: 1) уклонении от призыва в Красную армию граждан призывного возраста; 2) уклонении от призыва в Красную армию бывших офицеров, военных чиновников и других специалистов царской армии; 3) уклонении от призыва лиц, которые зачис-

ляются в тыловое ополчение; 4) содействии уклонению от призыва; 5) уклонении от общего военного учения; 6) нарушении правил регистрации военнообязанных; 7) преднамеренном самовольном оставлении службы в советских учреждениях лицами, объявленными военными служащими, но оставленными на работе; 8) нарушении правил об освобождении от военной службы в силу религиозных убеждений (п. «Г» ст. 4 ПТ).

В условиях Гражданской войны большое внимание в уголовном законодательстве было уделено конструированию состава дезертирства. Переход к обязательной военной службе (ППНА) обусловил признание дезертирства наиболее опасным преступлением против порядка несения военной службы (ДСА). 3 июня 1919 г. Совет рабочей и крестьянской обороны издал постановление «О мерах к искоренению дезертирства», в котором значительно возростала уголовная ответственность за дезертирство не только для лиц, совершивших данное деяние, но и для их укрывателей, а также членов семей последних (ПМИД). Фактически речь шла о возрождении института круговой поруки, что противоречило принципу личного характера уголовной ответственности [69].

Борьба с другими военными преступлениями довольно подробно регламентирована в Положении о революционных военных трибуналах, в котором были сконструированы 5 составов военных преступлений: 1) контрреволюционные преступления, совершенные военными служащими; 2) общеуголовные преступления, совершенные военными служащими; 3) должностные преступления, совершенные военными служащими; 4) специальные военные преступления, совершенные военными служащими; 5) другие преступления, совершенные военными служащими (п. «А» ст. 4 ПТ). Представленные разновидности существенно отличаются от классификации, принятой в дальнейшем [70, с. 53].

С охраной основ общественного и государственного строя в уголовно-правовой политике первых лет советской власти было тесно связано конструирование запретов, направленных на обеспечение неприкосновенности социалистической собственности и создание условий для нормальной работы транспорта и связи.

Сразу же после прихода к власти большевиков в законодательстве появляется запрет на спекуляцию, хотя первый нормативный правовой акт, посвященный этому составу преступления, носил преимущественно декларативный характер (декрет СНК «О борьбе со спекуляцией» от 15 ноября 1917 г. (ДБС)). Установив запрет на совершение спекуляции, декрет не указывал ни квалифицирующих признаков данного деяния, ни конкретных мер уголовной ответственности за его совершение.

Законодательное определение понятия «спекуляция» было осуществлено в декрете СНК от 22 июля 1918 г. «О спекуляции», содержащем указание на 12 составов преступлений, которые были отнесены к данной категории. Уголовной ответственности подлежал сбыт, приобретение или хранение с целью сбыта, в виде промысла: а) продуктов питания, монополизированных республикой; б) нормированных продуктов питания по ценам выше твердых (установленных таксами) или других монополизированных предметов; в) других нормируемых предметов массового потребления по ценам выше твердых; г) продовольственных карточек или купонов на эти предметы (ст. 1–3 ДОС). Если первоначально данные

деяния подлежали рассмотрению в народных судах, то постепенное обострение социально-экономической ситуации в связи с продолжающейся Гражданской войной заставило отнести их к подсудности военных трибуналов (п. «Б» ст. 4 ПТ). На основе этого можно сделать вывод, что спекуляция с точки зрения общественной опасности приравнивалась к контрреволюционным (государственным) преступлениям.

Несмотря на то что специальных нормативных правовых актов, посвященных уголовно-правовым запретам относительно неприкосновенности собственности и обеспечения нормальной работы транспорта и связи, было принято немного, в значительной части первых советских декретов при определении правил функционирования данных отраслей народного хозяйства одновременно были предусмотрены меры ответственности за их нарушение, что можно рассматривать как специфичный вид конструирования запретов.

В числе нормативных правовых актов, обеспечивавших уголовно-правовую охрану народного хозяйства, был Декрет о земле (ДЗ). В соответствии с п. 3 данного декрета тяжким преступлением была объявлена порча конфискованного имущества, которое принадлежит народу.

Большое внимание в первых советских декретах уделялось безопасности движения и эксплуатации транспорта, в первую очередь – железнодорожного. Опыт Первой мировой войны показывал, что транспортное обеспечение как фронта, так и тыла является важнейшим элементом поддержания правопорядка и режима законности. Так, 11 декабря 1918 г. специальным постановлением преступлениями была признана задержка следующих по назначению эшелонов и грузов, несвоевременная подача паровозов и порожних вагонов, крушение поездов и ряд других деяний, нарушающих нормальную и безопасную работу железных дорог (ПУЖТ). 10 октября 1919 г. было издано постановление Совета рабочей и крестьянской обороны «Об ответственности за злоумышленное разрушение железнодорожных сооружений», в соответствии с которым обозначенное действие рассматривалось как преступление не только по отношению к оконченному деянию, но и в случае покушения на таковое (ПОРЖ). Отягчающим обстоятельством при этом становилось совершение подобного деяния в районах, где было введено военное положение (ДИ).

Среди других уголовно-правовых запретов, которые были сконструированы в годы Гражданской войны, можно назвать подделку советских документов (ордеров, мандатов, удостоверений водителя, разрешений и др.) или использование поддельных документов и т. п. (ЦКО), а также контрабанду (ПЗП).

Проведенный нами анализ законодательства 1917–1919 гг. показывает, что к моменту создания первого кодифицированного акта в области советского уголовного права – Руководящих начал по уголовному праву – уже была сконструирована достаточно четкая система уголовно-правовых запретов, которую можно рассматривать как специфичный вариант Особенной части уголовного законодательства. Анализ и интерпретация содержания нормативного массива позволяют нам классифицировать составы преступлений по родовому объекту следующим образом: I. преступления против личности; II. преступления против рабоче-крестьянского правительства; III. преступления против порядка военной службы; IV. преступления против порядка государственной или обще-

ственной службы; V. преступления против порядка промышленного или сельскохозяйственного производства; VI. преступления против порядка снабжения населения продуктами; VII. преступления против собственности; VIII. преступления против порядка частной торговли и кредитования; IX. преступления против порядка налогообложения; X. преступления против порядка работы почты и транспорта; XI. преступления, нарушающие охрану научных и художественных ценностей (см. также [71]).

Заключение

Таким образом, несмотря на имевшие место попытки издания систематизированного уголовного закона, формирование и развитие советской уголовно-правовой политики осуществлялось индуктивно, что ярко проявилось в системе запретов. Конструирование уголовно-правовых запретов в советском законодательстве шло от частного к общему, от определения перечня преступных деяний и нормативного определения отдельных составов преступлений к разработке и законодательному утверждению принципов уголовного права и созданию основных институтов Общей части уголовного права. Позаимствовав идеи классической и социологической школ уголовного права, уголовное законодательство периода военного коммунизма и Гражданской войны дало им социалистическую интерпретацию, поставив во главу угла интересы пролетарской революции и советской власти. Отраженная в законодательстве репрессивная уголовная политика в условиях военного коммунизма и Гражданской войны выступала стабилизирующим фактором, обеспечивая порядок на территории, контролируемой советской властью. Руководящие начала по уголовному праву явились закономерным итогом конструирования уголовно-правовых запретов в предшествующие годы.

Источники

- ДБС – Декрет СНК РСФСР от 15 нояб. 1917 г. «О борьбе со спекуляцией» // Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). – 1917. – № 3. – Ст. 33.
- ДЗ – Декрет о земле (принят II Всероссийским съездом Советов 27 окт. 1917 г.) // СУ РСФСР. – 1917. – № 1. – Ст. 3.
- ДИ – Декрет ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» // СУ РСФСР. – 1919. – № 27. – Ст. 301.
- ДОС – Декрет СНК от 22 июня 1918 г. «О спекуляции» // СУ РСФСР. – 1918. – № 54. – Ст. 605.
- ДС1 – Декрет СНК РСФСР от 24 нояб. 1917 г. «О суде» // СУ РСФСР. – 1917. – № 4. – Ст. 50.
- ДС2 – Декрет ВЦИК от 07 марта 1918 № 2 «О суде» // СУ РСФСР. – 1918. – № 26. – Ст. 420.
- ДС3 – Декрет СНК РСФСР от 13 июля 1918 г. № 3 «О суде» // СУ РСФСР. – 1918. – № 52. – Ст. 589.
- ДСА – Декрет ВЦИК от 26 апр. 1918 г. «О сроке службы в Рабоче-крестьянской красной армии» // СУ РСФСР. – 1918. – № 33. – Ст. 445.
- ДТП – Декрет СНК РСФСР от 28 янв. 1918 «О революционном трибунале печати» // СУ РСФСР. – 1918. – № 28. – Ст. 362.

- ИРТ – Инструкция НКЮ от 17 дек. 1917 г. «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» // СУ РСФСР. – 1917. – № 12. – Ст. 170.
- НУУ – Новое уголовное уложение // Изв. ВЦИК. – 1918. – № 73. – С. 5.
- ПДС – Первоначальный проект первого декрета о суде // Материалы Народного комиссариата юстиции. – М.: Изд. Нар. Комиссариата юстиции, 1918. – Вып. 2: Народный суд. – С. 104–105.
- ПЗП – Постановление ВСНХ РСФСР от 28 дек. 1917 г. «О запрещении привоза предметов роскоши» // СУ РСФСР. – 1918. – № 15. – Ст. 221.
- ПКР – Постановление СНК РСФСР от 05 сент. 1918 г. «О красном терроре» // СУ РСФСР. – 1918. – № 65. – Ст. 710.
- ПМИД – Постановление Совета рабочей и крестьянской обороны РСФСР от 03 июня 1919 г. «О мерах к искоренению дезертирства» // СУ РСФСР. – 1919. – № 25. – Ст. 287.
- ПОРЖ – Постановление СТО РСФСР от 10 окт. 1919 г. «Об ответственности за злоумышленное разрушение железнодорожных сооружений» // СУ РСФСР. – 1919. – № 50. – Ст. 488.
- ППКД – Постановление ВЦИК от 5 янв. 1918 г. «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти» // СУ РСФСР. – 1918. – № 14. – Ст. 202.
- ППНА – Постановление ВЦИК РСФСР от 29 мая 1918 г. «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию» // СУ РСФСР. – 1918. – № 41. – Ст. 518.
- ПТ – Положение ВЦИК РСФСР от 20 нояб. 1919 г. «О революционных военных трибуналах» // СУ РСФСР. – 1919. – № 58. – Ст. 549.
- ПУЖТ – Постановление СТО РСФСР от 11 дек. 1918 г. «Об упорядочении железнодорожного транспорта» // СУ РСФСР. – 1918. – № 93. – Ст. 930.
- РНУ – Постановление НКЮ от 12 дек. 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // СУ РСФСР. – 1919. – № 66. – Ст. 590.
- СУУ – Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / Ю.В. Грачева, С.В. Маликов, А.И. Чучаев; под ред. А.И. Чучаева. – М.: Проспект, 2015. – 303 с.
- ЦКО – Циркуляр Кассационного отдела ВЦИК от 6 окт. 1918 г. // Изв. ВЦИК. – 1918. – № 217. – 6 сент.

Литература

1. *Алексеев С.С.* Правовые запреты в структуре советского права // Правоведение. – 1973. – № 5. – С. 43–51.
2. *Братко А.Г.* Запреты в советском праве / Под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. – 92 с.
3. Основания уголовно-правового запрета: Криминализация и декриминализация / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. – М.: Наука, 1982. – 304 с.
4. *Рыбушкин Н.Н.* Запрещающие нормы в советском праве. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. – 111 с.
5. *Комарова Т.Е.* Некоторые вопросы теории запретов в гражданском праве // Законодательство. – 2007. – № 12. – С. 8–18.
6. *Маркунцов С.А.* Теория уголовно-правового запрета. – М.: Юриспруденция, 2015. – 560 с.

7. *Нурмагамбетов Р.Г.* К вопросу об определении функций конституционно-правовых запретов и ограничений // Науч. труды Рос. акад. юрид. наук. – 2009. – Вып. 9, Т. 1. – С. 1156–1160.
8. *Рыбушкин Н.Н.* Запреты в уголовном законодательстве и вопросы его совершенствования // Науч. труды Рос. акад. юрид. наук. – 2003. – Вып. 3, Т. 2. – С. 618–626.
9. *Трегубова Е.В.* Институт запрета в российском административном праве // Полицейская деятельность. – 2012. – № 4. – С. 27–31.
10. *Малько А.В.* Запреты как средство правовой политики // Вестн. Сам. гуманит. акад. Сер. Право. – 2012. – № 1. – С. 3–11.
11. *Рыбушкин Н.Н., Краснов А.В.* Механизм реализации диспозиции и санкции запрещающей нормы права: единство, взаимодействие // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 2. – С. 161–167.
12. *Маркунцов С.А.* Философия уголовно-правового запрета // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 4. – С. 53–61.
13. *Скоробогатов А.В., Рыбушкин Н.Н.* Запрет как онтологическая основа правовой реальности России // Актуальные проблемы экономики и права. – 2016. – Т. 10, № 3. – С. 108–115.
14. *Solís F.A.* Prohibición de inducir al imputado a la autoincriminación y el planteamiento de las salidas alternas // Lex (Lima). – 2016. – V. 14, No 17. – P. 221–237. – doi: 10.21503/lex.v14i17.941.
15. *Slavicek L.Ch.* The Prohibition Era: Temperance in the United States. – N. Y.: Chelsea House Publ., 2009. – 127 p.
16. *Constantini S.T.* Prohibición, transgresión, castigo // Alegatos. – 2011. – V. 25, No 79. – P. 741–758.
17. *Арямов А.А.* История уголовного права России. – М.: Юстиция, 2016. – 188 с.
18. *Маркунцов С.А.* Древнейшее русское уголовное право: возникновение первичных уголовно-правовых запретов. – М.: Юриспруденция, 2012. – 156 с.
19. *Скоробогатов А.В., Рыбушкин Н.Н.* Уголовно-правовые запреты в советском юридическом дискурсе // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 2. – С. 120–128.
20. История советского уголовного права (1917–1947) / А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов, М.М. Исаев и др.; науч. ред. А.А. Герцензон. – М.: Юриздат, 1948. – 464 с.
21. *Захаров Н.С.* Советское государство и право в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1962. – 86 с.
22. *Окунева М.О.* Субъект преступления в уголовном законодательстве первых лет советской власти // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11: Право. – 2017. – № 2. – С. 92–99.
23. *Шишов О.Ф.* Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года – памятник советской уголовно-правовой мысли // Правоведение. – 1980. – № 3. – С. 83–88.
24. *Жук М.С.* Основные этапы формирования доктринальных представлений об институтах российского уголовного права (XV – начало XXI в.) // Lex Russica. – 2010. – Т. 69, № 6. – С. 1377–1396.
25. *Кибальник А.Г.* Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года: оценка в юридической историографии // Юрид. вестн. Кубан. гос. ун-та. – 2019. – № 4. – С. 31–35.
26. *Козаченко И.Я.* Исторический опыт криминализации деяний: К 100-летию Руководящих начал по уголовному праву РСФСР // Рос. право: образование, практика, наука. – 2019. – № 2. – С. 31–35.

27. *Бабаева Ю.Г., Пащенко Д.А., Ситдикова Л.Б.* Особенности конструирования преступности в первый период советского государства (К 100-летию принятия Руководящих начал по уголовному праву РСФСР) // *Образование и право.* – 2019. – № 9. – С. 261–265.
28. *Иванов А.А., Головин А.Н.* О некоторых концептуальных основах уголовно-правовой политики РСФСР в 1917–1919 гг. // *Вестн. Моск. ун-та МВД России.* – 2008. – № 9. – С. 91–94.
29. *Чучаев А.И.* Советское уголовное уложение (общая характеристика) // *Lex Russica.* – 2012. – Т. 71, № 5. – С. 833–857.
30. *Berger P.L., Luckmann T.* The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. – N. Y.: Penguin Books, 1991. – 250 p.
31. Конструирование девиантности: Монография / Под ред. Я.И. Гилинского, Я.В. Костюковского, И.Л. Честнова. – СПб.: ДЕАН, 2011. – 224 с.
32. *Скоробогатов А.В., Рыбушкин Н.Н.* Становление системы уголовно-правовых запретов в советском юридическом дискурсе // *Lex Russica.* – 2018. – № 10. – С. 166–172.
33. *Рыбаков В.А.* Советское право: преемственный аспект // *Современное право.* – 2010. – № 9. – С. 13–17.
34. *Максимова О.Д.* Законотворчество в Советской России в 1917–1922 годах. – М.: Зерцало-М, 2011. – 400 с.
35. *Гойхбарг А.Г.* Пролетарская революция и гражданское право // *Пролетарская революция и право.* – 1918. – № 1. – С. 12–19.
36. *Скоробогатов А.В.* Генезис советской правовой доктрины // *Рос. право онлайн.* – 2021. – № 3. – С. 21–26. – doi: 10.17803/2542-2472.2021.19.3.021-026.
37. *Стерник И.Б.* Ленинский опыт использования права в интересах революции (Отдельные стороны и аспекты) / Отв. ред. Ш.З. Уразаев. – Ташкент: Узбекистан, 1979. – 219 с.
38. *Veirny P.* (Ed.) Revolution in Law: Contributions to the Development of Soviet Legal Theory, 1917–1938. – London, N. Y.: Taylor & Francis, 2015. – xiv, 202 p.
39. *Луначарский А.В.* Революция и суд // *Материалы Народного комиссариата юстиции.* – М.: Изд. Нар. Комиссариата юстиции, 1918. – Вып. 2: Народный суд. – С. 15–19.
40. *Никулин В.В.* Революционная теория права: мировоззренческие истоки большевистской концепции права // *Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманит. науки.* – 2011. – Вып. 8. – С. 300–304.
41. *Разумовский И.П.* Понятие права у К. Маркса и Фр. Энгельса // *Под знаменем марксизма.* – 1923. – № 2–3. – С. 68–97.
42. *Борисова Т.Ю.* Революционное законодательство в 1917–1918 гг.: выбор языка // *Новое лит. обозр.* – 2011. – № 2. – С. 100–115.
43. *Скоробогатов А.В.* Правовые заимствования в России // «Связи в праве: проблемы теории, практики, техники»: Сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (г. Н. Новгород, 19–20 мая 2016 г.) / Под общ. ред. В.А. Толстика. – Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2016. – С. 356–359.
44. *Никулин В.В.* Специфика государственно-правовой политики в период гражданской войны в советской России (1918–1920 гг.) // *Genesis: Ист. исслед.* – 2013. – № 4. – С. 88–133.
45. *Lacey N.* Principles, policies, and politics of criminal law // *Principles and Values in Criminal Law and Criminal Justice: Essays in Honour of Andrew Ashworth / Zender L., Roberts J.V.* (Eds.). – Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. – P. 19–36.
46. *Максимова О.Д.* Роль Д.И. Курского в формировании идей советского права и в законотворчестве // *Правоведение.* – 2014. – № 4. – С. 225–236.

47. *Стучка П.И.* Старый и новый суд // Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права / Сост. Г.Я. Клява. – Рига: Латв. гос. изд-во, 1964. – С. 227–238.
48. *Амплеева Т.Ю.* Парадигма правопонимания в первые годы советской власти // Право и управление. XXI век. – 2017. – № 2. – С. 25–36.
49. *Виленский Б.В.* К 100-летию со дня рождения Д.И. Курского // Правоведение. – 1975. – № 2. – С. 126–131.
50. *Яцук Т.Ф.* Понятие закона в советском правоведении и юридической практике в 1917–1936 гг. // Вестн. Ом. ун-та. Сер. Право. – 2016. – № 1. – С. 30–35.
51. *Остроумов Г.С.* Проблемы социалистического правосознания в работах П.И. Стучки // Сов. государство и право. – 1963. – № 7. – С. 121–126.
52. *Стучка П.И.* Старый и новый суд // Материалы Народного комиссариата юстиции. – М.: Изд. Нар. Комиссариата юстиции, 1918. – Вып. 2: Народный суд. – С. 56–60.
53. *Мясников А.А.* Регламентация института смягчения наказания в некодифицированном отечественном уголовном законодательстве постреволюционного периода (1917–1919 гг.) // Юрид. вестн. Кубан. гос. ун-та. – 2010. – № 5. – С. 59–63.
54. *Beirny P.* (Ed.) *Revolution in Law: Contributions to the Development of Soviet Legal Theory, 1917–1938.* – London, N. Y.: Taylor & Francis, 2015. – xiv, 202 p.
55. *Bohlander M.* *Principles of German Criminal Law.* – Portland: Hart Publ., 2009. – 242 p.
56. *Есинов В.В.* Уголовное уложение 1903 года. Его характер и содержание. – Варшава: Тип. Варш. учеб. округа, 1903. – 178 с.
57. *Жук М.С.* Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года: Предпосылки формирования новой системы российского законодательства в советский период // Юрид. вестн. Кубан. гос. ун-та. – 2019. – № 4. – С. 36–39.
58. *Husak D.N.* Limitations on criminalization and the general part of criminal law // *Shute St., Simester A.P. Criminal Law Theory: Doctrines of the General Part.* – N. Y.: Oxford Univ. Press, 2002. – P. 13–46.
59. *Стучка П.И.* Пролетарская революция и суд // Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права / Сост. Г.Я. Клява. – Рига: Латв. гос. изд-во, 1964. – С. 239–249.
60. *Курский Д.И.* Пролетарское право // Курский Д.И. Избранные статьи и речи. – М.: Юриздат, 1948. – С. 56–61.
61. *Шрейдер А.* От Народного Комиссариата Юстиции // Правда. – 1918. – № 225. – С. 2.
62. *Alexander L., Ferzan K.K., Morse St.J.* *Crime and Culpability: A Theory of Criminal Law.* – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009. – xiv, 358 p.
63. *Окунева М.О.* Влияние социологической школы права на кодификацию советского уголовного законодательства (1917–1922 гг.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Право. – 2016. – № 4. – С. 114–125.
64. *Серопян Г.С.* Деятельность революционных трибуналов в Советской России // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. – 2009. – № 1. – С. 35–37.
65. *Дзидзоев А.А.* Становление советской судебной системы // Вестн. Владикавказ. науч. центра. – 2008. – Т. 8, № 4. – С. 41–46.
66. *Юрьев А.И.* Установление Советской власти в Центральной промышленном районе России (конец октября – начало декабря 1917 года) // Изв. ТулГУ. Гуманит. науки. – 2013. – № 2. – С. 267–275.
67. *Протасов Л.Г.* Всероссийское учредительное собрание. История рождения и гибели. – М.: РОССПЭН, 1997. – 380 с.

68. *Френкин М.* Трагедия крестьянских восстаний в России 1918–1921 гг. – Иерусалим: Лексикон, 1987. – 250 с.
69. *Ashworth A., Horder J.* Principles of Criminal Law. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. – 615 p.
70. *Закомолдин Р.В.* Становление отечественного военно-уголовного законодательства в советский период (1918–1991) // Армия и общество. Науч.-информ. журн. – 2013. – № 4. – С. 51–58.
71. *Курский Д.И.* Новое уголовное право // Пролетарская революция и право. – 1919. – № 2–4. – С. 24–27.

Поступила в редакцию
27.09.2021

Скоробогатов Андрей Валерьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП)
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: *av.skorobogatov@mail.ru*

Рыбушкин Николай Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: *i_naughty@mail.ru*

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2022, vol. 164, no. 4, pp. 134–154

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2022.4.134-154

**Drafting Criminal Prohibitions as a Direction of the Criminal Policy
of the Soviet State during Its Early Years**

A.V. Skorobogatov^{a}, N.N. Rybushkin^{b**}*

^a*Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Kazan, 420111 Russia*

^b*Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia*

E-mail: ^{*}*av.skorobogatov@mail.ru*, ^{**}*i_naughty@mail.ru*

Received September 27, 2021

Abstract

In this article, we report the results of a comprehensive study of how criminal prohibitions were drafted in the early period of the Soviet rule and what outcomes they are associated with in the Soviet criminal policy of late 1917–1919. To analyze the constructivist paradigm of social phenomenology of law, various methods were used: formal dogmatic, historical and legal, discursive, hermeneutic. A careful investigation of the related normative acts and major doctrinal writings by the most prominent scholars and politicians was carried out. The results obtained prove that the prohibitions enforced by the Soviet state were aimed to develop a new system of criminal justice, thereby upholding law, order, and security. Of special importance is the finding that the principles of criminal law were elaborated in an inductive way despite the attempts to systematize, structure, and revive the past system of criminal legislation. Another

interesting conclusion is that the lawmakers of that time were focused on creating a separate corpus of the elements of crime. By having done so, they established the norms of the Special Part of the Criminal Law and contributed a valuable material for subsequent synthesis and compilation of the General Part of Criminal Law. Our research is of particular relevance for both historical and legal studies of the formation of the Soviet criminal policy. It also specifies the use of the constructivist paradigm to explore the history and features of criminal law.

Keywords: criminal prohibition, criminal policy, criminal law, social construction, legal regulation, civil war, military communism, Soviet Criminal Code

References

1. Alekseev S.S. Legal prohibitions in the structure of Soviet law. *Pravovedenie*, 1973, no. 5, pp. 43–51. (In Russian)
2. Bratko A.G. *Zaprety v sovetskom prave* [Prohibitions in Soviet Law]. Matuzov N.I. (Ed.). Saratov, Izd. Sarat. Univ., 1979. 92 p. (In Russian)
3. *Osnovaniya ugovolno-pravovogo zapreta: Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya* [The Grounds for a Criminal Prohibition: Criminalization and Decriminalization]. Kudryavtsev V.N., Yakovlev A.M. (Eds.). Moscow, Nauka, 1982. 304 p. (In Russian)
4. Rybushkin N.N. *Zapreshchayushchie normy v sovetskom prave* [Prohibitive Norms in Soviet Law]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1990. 111 p. (In Russian)
5. Komarova T.E. Some problems of prohibition theory in civil law. *Zakonodatel'stvo*, 2007, no. 12, pp. 8–18. (In Russian)
6. Markuntsov S.A. *Teoriya ugovolno-pravovogo zapreta* [Theory of Criminal Prohibition]. Moscow, Yurisprudentsiya, 2015. 560 p. (In Russian)
7. Nurmagametov R.G. Defining the functions of constitutional and legal prohibitions and restrictions. *Nauchnye Trudy Rossiiskoi Akademii Yuridicheskikh Nauk*, 2009, no. 9, vol. 1, pp. 1156–1160. (In Russian)
8. Rybushkin N.N. Prohibitions in criminal law and problems with improving it. *Nauchnye Trudy Rossiiskoi Akademii Yuridicheskikh Nauk*, 2003, no. 3, vol. 2, pp. 618–626. (In Russian)
9. Tregubova E.V. Prohibition institution in the Russian administrative law. *Politseiskaya Deyatel'nost'*, 2012, no. 4, pp. 27–31. (In Russian)
10. Mal'ko A.V. Prohibitions as a means of legal policy. *Vestnik Samarskoi Gumanitarnoi Akademii. Seriya Pravo*, 2012, no. 1, pp. 3–11. (In Russian)
11. Rybushkin N.N., Krasnov A.V. The mechanism of imposing dispositions and sanctions on the prohibitive norm of law: Unity, interaction. *Aktual'nye Problemy Ekonomiki i Prava*, 2012, no. 2, pp. 161–167. (In Russian)
12. Markuntsov S.A. The philosophy of criminal prohibition. *Biblioteka Kriminalista*, 2013, no. 4, pp. 53–61. (In Russian)
13. Skorobogatov A.V., Rybushkin N.N. Prohibition as ontological basis of the Russian legal reality. *Aktual'nye Problemy Ekonomiki i Prava*, 2016, vol. 10, no. 3, pp. 108–115. (In Russian)
14. Solís F.A. Prohibición de inducir al imputado a la autoincriminación y el planteamiento de las salidas alternas. *Lex (Lima)*, 2016, vol. 14, no. 17, pp. 221–237. doi: 10.21503/lex.v14i17.941. (In Spanish)
15. Slavicek L.Ch. *The Prohibition Era: Temperance in the United States*. New York, Chelsea House Publ., 2009. 127 p.
16. Constantini S.T. Prohibición, transgresión, castigo. *Alegatos*, 2011, vol. 25, no. 79, pp. 741–758. (In Spanish)
17. Aryamov A.A. *Istoriya ugovolnogo prava Rossii* [Criminal Law History in Russia]. Moscow, Yustitsiya, 2016. 188 p. (In Russian)
18. Markuntsov S.A. *Drevneishee russkoe ugovolnoe pravo: vzniknovenie pervichnykh ugovolno-pravovykh zapretov* [Ancient Russian Criminal Law: The Origin of Early Criminal Prohibitions]. Moscow, Yurisprudentsiya, 2012. 156 p. (In Russian)
19. Skorobogatov A.V., Rybushkin N.N. Criminal prohibitions in the Soviet legal discourse. *Aktual'nye Problemy Ekonomiki i Prava*, 2014, no. 2, pp. 120–128. (In Russian)

20. *Istoriya sovetskogo ugovnogo prava (1917–1947)* [A History of the Soviet Criminal Law (1917–1947)]. Gertsenzon A.A., Gringauz Sh.S., Durmanov N.D., Isaev M.M. (Eds.), Gertsenzon A.A. (Sci. Ed.). Moscow, Yurizdat, 1948. 464 p. (In Russian)
21. Zakharov N.S. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo v period inostrannoi voennoi interventsii i grazhdanskoi voiny* [The Soviet State and Law during the Allied Intervention and the Civil War]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1962. 86 p. (In Russian)
22. Okuneva M.O. Definition of the crime committer in the early years of the Soviet criminal law. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11: Pravo*, 2017, no. 2, pp. 92–99. (In Russian)
23. Shishov O.F. The Guiding Principles on Criminal Law of the RSFSR of 1919 – a towering achievement of the Soviet criminal law. *Pravovedenie*, 1980, no. 3, pp. 83–88. (In Russian)
24. Zhuk M.S. The main stages in the development of doctrinal ideas about the Russian institutions of criminal law (15th–early 21st centuries). *Lex Russica*, 2010, vol. 69, no. 6, pp. 1377–1396. (In Russian)
25. Kibal'nik A.G. The Guiding Principles on Criminal Law of the RSFSR of 1919: Assessments in legal historiography. *Yuridicheskii Vestnik Kubanskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2019, no. 4, pp. 31–35. (In Russian)
26. Kozachenko I.Ya. Historical experience of criminalization: The centenary of the Guiding Principles on Criminal Law of the RSFSR. *Rossiiskoe Pravo: Obrazovanie, Praktika, Nauka*, 2019, no. 2, pp. 31–35. (In Russian)
27. Babaeva Yu.G., Pashentsev D.A., Sitdikova L.B. The features of crime construction in the early period of the Soviet state (on the centenary of the adoption of the Guiding Principles on Criminal Law of the RSFSR). *Obrazovanie i Pravo*, 2019, no. 9, pp. 261–265. (In Russian)
28. Ivanov A.A., Golovin A.N. A conceptual framework of the criminal policy in the RSFSR during 1917–1919. *Vestnik Moskovskogo Universiteta MVD Rossii*, 2008, no. 9, pp. 91–94. (In Russian)
29. Chuchaev A.I. Soviet criminal code (general features). *Lex Russica*, 2012, vol. 71, no. 5, pp. 833–857. (In Russian)
30. Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. New York, Penguin Books, 1991. 250 p.
31. Gilinskii Ya.I. *Konstruirovaniye deviantnosti* [The Construction of Deviance]. St. Petersburg, DEAN, 2011. 224 p. (In Russian)
32. Skorobogatov A.V., Rybushkin N.N. Formation of the system of criminal prohibitions in the Soviet legal discourse. *Lex Russica*, 2018, no. 10, pp. 166–172. (In Russian)
33. Rybakov V.A. Soviet law: A sustainable development. *Sovremennoe Pravo*, 2010, no. 9, pp. 13–17. (In Russian)
34. Maksimova O.D. *Zakonotvorchestvo v Sovetskoi Rossii v 1917–1922 godakh* [Law Making in the Soviet Russia during 1917–1922]. Moscow, Zertsalo-M, 2011. 400 p. (In Russian)
35. Goichbarg A.G. Proletarian revolution and civil law. *Proletarskaya Revolyutsiya i Pravo*, 1918, no. 1, pp. 12–19. (In Russian)
36. Skorobogatov A.V. The genesis of the Soviet legal doctrine. *Rossiiskoe Pravo Online*, 2021, no. 3, pp. 21–26. doi: 10.17803/2542-2472.2021.19.3.021-026.
37. Sternik I.B. *Leninskii opyt ispol'zovaniya prava v interesakh revolyutsii (Otdel'nye storony i aspekty)* [Lenin's Achievements in Using Law for the Benefit of the Revolution]. Urazaev Sh.Z. (Ed.). Tashkent, Uzbekistan, 1979. 219 p. (In Russian)
38. Beirny P. (Ed.) *Revolution in Law: Contributions to the Development of Soviet Legal Theory, 1917–1938*. London, New York, Taylor & Francis, 2015. xiv, 202 p.
39. Lunacharsky A.V. Revolution and court. In: *Materialy Narodnogo komissariata yustitsii* [The Materials of the People's Commissariat of Justice]. Moscow, Izd. Nar. Komissariata Yustitsii, 1918, no. 2: People's court, pp. 15–19. (In Russian)
40. Nikulin V.V. The revolutionary theory of law: Global origins of the Bolshevik concept of law. *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2011, no. 8, pp. 300–304. (In Russian)
41. Razumovskii I.P. Law as understood by K. Marx and F. Engels. *Pod Znamenem Marksizma*, 1923, nos. 2–3, pp. 68–97. (In Russian)

42. Borisova T.Yu. The revolutionary legislation of 1917–1918: The choice of language. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2011, no. 2, pp. 100–115. (In Russian)
43. Skorobogatov A.V. Legal borrowings in Russia. “Svyazi v prave: problemy teorii, praktiki, tehniki”: sb. statei po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. N. Novgorod, 19–20 maya 2016 g.) [Interaction in Law: Problems of Theory, Practice, and Technique: Proc. Int. Sci.-Pract. Conf. (Nizhny Novgorod, May 19–20, 2016)]. Tolstik V.A. (Ed.). Nizhny Novgorod, Nizhegorod. Akad. MVD Ross., 2016, pp. 356–359. (In Russian)
44. Nikulin V.V. The legal policy of Soviet Russia during the civil war (1918–1920). *Genesis: Istoricheskie Issledovaniya*, 2013, no. 4, pp. 88–133. (In Russian)
45. Lacey N. Principles, policies, and politics of criminal law. In: Zender L., Roberts J.V. (Eds.) *Principles and Values in Criminal Law and Criminal Justice: Essays in Honour of Andrew Ashworth*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2012, pp. 19–36. (In Russian)
46. Maksimova O.D. The role of D.I. Kursky in the development of the Soviet legal concepts and lawmaking. *Pravovedenie*, 2014, no. 4, pp. 225–236. (In Russian)
47. Stuchka P.I. Old and new court. In: Stuchka P.I. *Izbrannye proizvedeniya po marksistsko-leninskoj teorii prava* [Selected Writings on the Marxist-Leninist Theory of Law]. Klyava G.Ya. (Ed.). Riga, Latv. Gos. Izd., 1964, pp. 227–238. (In Russian)
48. Ampleeva T.Yu. The paradigm of legal consciousness in the early years of the Soviet state. *Pravo i Upravlenie. XXI Vek*, 2017, no. 2, pp. 25–36. (In Russian)
49. Vilenskii B.V. Celebrating the 100th birthday anniversary of D.I. Kursky. *Pravovedenie*, 1975, no. 2, pp. 126–131. (In Russian)
50. Yashchuk T.F. The concept of law in the Soviet legal doctrine and practice of 1917–1936. *Vestnik Omskogo Universiteta. Seriya Pravo*, 2016, no. 1, pp. 30–35. (In Russian)
51. Ostroumov G.S. The problems of socialist legal consciousness in P.I. Stuchka’s works. *Sovetskoe Gosudarstvo i Pravo*, 1963, no. 7, pp. 121–126. (In Russian)
52. Stuchka P.I. Old and new court. In: *Materialy Narodnogo komissariata yustitsii* [The Materials of the People’s Commissariat of Justice]. Moscow, Izd. Nar. Komissariata Yustitsii, 1918, no. 2: People’s court, pp. 56–60. (In Russian)
53. Myasnikov A.A. Regulation of the institution of mitigation of punishment in the non-unified criminal laws of Russia during the post-revolutionary period (1917–1919). *Yuridicheskii Vestnik Kubanskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2010, no. 5, pp. 59–63. (In Russian)
54. Beirny P. (Ed.) *Revolution in Law: Contributions to the Development of Soviet Legal Theory, 1917–1938*. London, New York, Taylor & Francis, 2015. xiv, 202 p.
55. Bohlander M. *Principles of German Criminal Law*. Portland, Hart Publ., 2009. 242 p.
56. Espipov V.V. *Ugolovnoe ulozhenie 1903 goda. Ego kharakter i sodержanie* [The Criminal Code of 1903. Its Scope and Content]. Warsaw, Tip. Varsh. Ucheb. Okruga, 1903. 178 p. (In Russian)
57. Zhuk M.S. The Guiding Principles on Criminal Law of the RSFSR of 1919: Prerequisites for the formation of a new system of Russian legislation in the Soviet period. *Yuridicheskii Vestnik Kubanskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2019, no. 4, pp. 36–39. (In Russian)
58. Husak D.N. Limitations on criminalization and the general part of criminal law. In: Shute St., Simester A.P. *Criminal Law Theory: Doctrines of the General Part*. New York, Oxford Univ. Press, 2002, pp. 13–46.
59. Stuchka P.I. The proletarian revolution and the court. In: Stuchka P.I. *Izbrannye proizvedeniya po marksistsko-leninskoj teorii prava* [Selected Writings on the Marxist-Leninist Theory of Law]. Riga, Latv. Gos. Izd., 1964, pp. 239–249. (In Russian)
60. Kursky D.I. Proletarian law. In: Kursky D.I. *Izbrannye stat’i i rechi* [Selected Articles and Speeches]. Moscow, Yurizdat, 1948, pp. 56–61. (In Russian)
61. Shreider A. From the People’s Commissariat of Justice. *Pravda*, 1918, no. 225, p. 2. (In Russian)
62. Alexander L., Ferzan K.K., Morse St.J. *Crime and Culpability: A Theory of Criminal Law*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2009. xiv, 358.
63. Okuneva M.O. Influence of the sociological school on the Soviet criminal law codification (1917–1922). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya Pravo*, 2016, no. 4, pp. 114–125. (In Russian)

64. Seropyan G.S. Revolutionary tribunals in Soviet Russia. *Vestnik Krasnodarskogo Universiteta MVD Rossii*, 2009, no. 1, pp. 35–37. (In Russian)
65. Dzidzoev A.A. The establishment of the Soviet judicial system. *Vestnik Vladikavkazskogo Nauchnogo Tsentra*, 2008, vol. 8, no. 4, pp. 41–46. (In Russian)
66. Yur'ev A.I. The establishment of Soviet power in the central industrial region of Russia (late October–early December of 1917). *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye Nauki*, 2013, no. 2, pp. 267–275. (In Russian)
67. Protasov L.G. *Vserossiiskoe uchreditel'noe sobranie. Istoriya rozhdeniya i gibeli* [The Russian Constituent Assembly. A History of Birth and Death]. Moscow, ROSSPEN, 1997. 380 p. (In Russian)
68. Frenkin M. *Tragediya krest'yanskikh vosstaniy v Rossii 1918–1921 gg.* [The Tragedy of the Peasant Revolts in Russia, 1918–1921]. Jerusalem, Leksikon, 1987. 250 p. (In Russian)
69. Ashworth A., Horder J. *Principles of Criminal Law*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2013. 615 p.
70. Zakomoldin R.V. The development of military criminal law in the Soviet period (1918–1991). *Armija i Obshchestvo. Nauchno-Informatsionnyi Zhurnal*, 2013, no. 4, pp. 51–58. (In Russian)
71. Kursky D.I. New criminal law. *Proletarskaya Revolyutsiya i Pravo*, 1919, nos. 2–4, pp. 24–27. (In Russian)

Для цитирования: Скоробогатов А.В., Рыбушкин Н.Н. Конструирование уголовно-правовых запретов как направление уголовно-правовой политики в первые годы советской власти // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2022. – Т. 164, кн. 4. – С. 134–154. – doi: 10.26907/2541-7738.2022.4.134-154.

For citation: Skorobogatov A.V., Rybushkin N.N. Drafting criminal prohibitions as a direction of the criminal policy of the Soviet state during its early years. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 4, pp. 134–154. doi: 10.26907/2541-7738.2022.4.134-154. (In Russian)